

14. Хасанов И. А. Время, природа, равномерность, измерение. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
15. Шри Юктешвар Гири. Святая наука. М.: Прометей, 1991. 88 с.
16. Metzeltin M., Jaksche H. Textsemantik: Ein Modell zur Analyse von Texten. Tübingen: Narr, 1983. 210 S.
17. Werner H. Lexikon der Numerologie und Zahlenmystik. Frechen: Komet MA-Service und Verlagsgesellschaft mbH. 287 S.

НОМО ALIUS В ОСМЫСЛЕНИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Заломкина Г.В.

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
кафедра русской и зарубежной литературы, профессор

Цель статьи – отследить специфику разработки научной фантастикой проблематики иного в аспекте взаимодействия представлений об инопланетянах и землянах, приводящего к восприятию землян как инопланетян. До настоящего момента подобный подход не применялся. Исследование проведено на материале авторов, представляющих широкий диапазон научно-фантастической литературы: С. Де Бержерака, Ф. Годвина, Г. Уэллса, Г.Ф. Лавкрафта, И. Ефремова, Р. Хайнлайна, Р. Брэдли, Дж. Кори, С. Лема, братьев Стругацких, Н. Стивенсона, П. Уоттса. Используется методология сопоставительного мотивного анализа. В статье отмечается, что представление об инопланетянах в художественной литературе разрабатывается по двум направлениям: либо как о существах, весьма близких землянам физиологически и психологически (тип соседа/жителя другой деревни), контакт с которыми возможен и продуктивен, либо как о максимально инаковых, монструозных созданиях (тип чудовища), контакт с которыми смертельно опасен или невозможен. В качестве фигуры иного, вплоть до статуса инопланетян, в научно-фантастическом тексте рассматриваются и земляне, подвергшиеся мутациям того или иного рода. Характерная черта *homo alius* в научной фантастике – язык, который подается как равным образом мутировавший по типу гибридизации. Восприятие *homo alius* по отношению к человеку обычному в научной фантастике всегда неоднозначно и порождает разнообразные взаимоотношения концептов из семантического поля «свой-чужой».

Ключевые слова: земляне, трансгуманизм, чудовища, Г. Уэллс, видовое расхождение, инаковость, Стругацкие, гибридизация языка.

Введение

Вынесенное в заголовок словосочетание «*homo alius*» (человек иной) – не существующий термин, а окказионализм, который сконструировали и употребили издатели произведений А. Беляева, избрав его для обобщающего заголовка, объединяющего в одном томе романы «Человек-амфибия», «Последний человек из Атлантиды», «Человек, потерявший лицо» [1]. Специальных пояснений по поводу выбора выражения издатели не дают, поскольку, вероятно, подразумевается его интуитивная понятность: речь идёт о тех или иных радикальных отличиях героев от человека обычного. Это

словосочетание представляется пригодным и уместным для обозначения предмета нашего исследования: специфики научно-фантастического взгляда на человека – изначально существа земного – как на инопланетянина.

Проблематика иного – основополагающая для научной фантастики, что убедительно сформулировала в своем определении И.В. Саморукова: «Когда мы говорим о фантастическом сюжете, то речь следует вести... о типе события, неизменным участником которого становится иное. Это самое иное и разворачивается в тексте в фантастический мир» [13, с. 10]. Понимание того, что есть иное, формируется в сопоставлении с привычным, человек в этом отношении – очевидная точка отсчета. Инопланетяне как тема в научной фантастике – результат обозначенного сопоставления. Определённые трансформации человека, уводящие его от привычного состояния – физиологического, психологического, морфологического – в сторону иного, равным образом могут формировать научно-фантастический сюжет. В последнее время такого рода трансформации укладываются в проблематику трансгуманизма, которая включает, среди прочего, последствия перехода поставленных природой границ, возникающие в связи с нарушением привычной системы свойств, полагаемых человеческими.

Цель данной статьи – отследить специфику разработки научной фантастикой проблематики иного в аспекте взаимодействия представлений об инопланетянах и землянах, приводящего к восприятию землян как инопланетян. Чтобы это осуществить, мы проследим взаимодействие двух ключевых тем: 1) восприятие человеком инопланетян и 2) видоизменение человека-землянина на протяжении значительных периодов времени под влиянием тех или иных обстоятельств. Исследование будет проведено на материале художественных текстов, представляющих широкий диапазон научно-фантастической литературы – с точки зрения как хронологии, так и субжанрового многообразия. Используемая методология сопоставительного мотивного анализа направлена на обоснованные и убедительные обобщения.

Необходимо отметить, что подобный подход до настоящего времени не применялся. Есть некоторое количество работ, в которых исследуется генезис и специфика представления инопланетян в научной фантастике, в большей степени с культурологической или философской точек зрения. К. Иванов видит причину расцвета тематики инопланетной жизни в культуре XX в. в «комплексном мироощущении, которое на рубеже XIX–XX веков сделало востребованным появление таких инструментально детерминированных познавательных индустрий, как практика расовой детерминации, физическая антропология, этногеография и т. д.» [7, с. 186]: вымышленные инопланетяне как индивидуумы и как сообщества – интересные объекты познания, сконструированные, чтобы и удивлять землянина, и отражать его. Исследователь рассматривает контакт с инопланетянами в преимущественно психоаналитическом ключе: «Можно найти непрерывность в этом реверсивном движении, нацеленном на поиск “Другого”, но в итоге приводящем к собственному *Self*. Сначала это Восток для европейцев, затем

инопланетянин для человека, затем неантропоморфное разумное против антропоморфного и, наконец, неантропоморфность, поселившаяся внутри нас самих» [7, с. 216–217]. Л. Романчук и В. Дябина разбирают психологические, религиозные, социальные, политические корни мифа о пришельцах, давая классификацию ролей «которые литература и кинематограф отводят космическим гостям: ликвидаторы, охотники, спасатели, “темные лошадки”, поработители, контролеры, экспериментаторы, поработенные, “беспомощные овечки”, разведчики, партнеры, жертвы, “садовники”...» [12, с. 12].

Однако нам не удалось найти ни одной работы, в которой затрагивалась бы интересующая нас проблематика трансформации *со-планетника* в *ино-планетника*.

Ход исследования

1. Можно выделить два типа представления инопланетян, корни которого лежат в ксенофобии архаического мифа. Внушающее страх чужое различается по интенсивности инаковости: чуждость жителей другой деревни отличается от чуждости чудовищ, обитающих в лесу или в морской пучине.

Чуждость жителей другой деревни пропорциональна отдалённости этой деревни. Соседи почти такие же, как мы, а обитатели далеких островов и континентов за морями радикально отличаются: у Геродота в Тунисе обитают «люди-песеглавцы и совсем безголовые» [4, с. 235]. На заре научной фантастики инопланетяне парадоксально изображались как не очень отдаленные соседи, как вариант иноземца, такого же человека, но жителя другой страны, отличающегося от аборигена, но не радикально. У Лукиана в «Правдивой истории» присутствует причудливая лунная живность типа конекоршунов или капустокрылов, однако управляющие ими люди ничем не примечательны фенотипически, и даже ветробежцы, способные перемещаться по воздуху, делают это благодаря не своей физиологии, а хитроумному использованию одежд-парусов [11, с. 103, 104]. Сирано де Бержерак говорит о селенитах: «туловище и лицо у них, как у нас», однако «они все до одного ходили на четвереньках», поскольку «считали, что поскольку природа наделила человека наравне с животными двумя ногами и двумя руками, то человек должен пользоваться ими так же, как и они» [2, с. 65]. У Фрэнсиса Годвина различия – и внешние, и физиологические – усиливаются: «Хозяин дома сам имел 30 футов росту, и вес его в 25–30 раз был больше веса самого сильного человека нашего мира. <...> срок жизни лунных жителей... доходит до 30 тысяч лун, то есть до 1000 лет и больше» [5, с. 32].

Отличия марсиан в большинстве научно-фантастических версий так же вполне укладываются в приемлемый диапазон. А. Толстой описывает «голубоватые лица» Аэлиты и других марсиан [17]. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери у обитатели красной планеты «чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты» [3, с. 20], они обладают телепатическими способностями, что упрощает контакт с землянами: «Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так

великолепно говорите по-английски? – Я не говорю, – ответила она, – я думаю. Телепатия» [3, с. 37].

Г. Уэллс в «Войне миров» дал начало другому типу представления об инопланетянах – как об абсолютно чуждых – и физически, и психологически – существах, отсылающему к хтоническим чудовищам, но с определённым научным обоснованием. «Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях – результат большой силы притяжения Земли, – в особенности же огромные пристальные глаза – все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас» [19, с. 455]. Попытки землян наладить контакт, ошибочно полагая, «что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные» [19, с. 457], – заканчиваются смертью от теплового луча.

Г.Ф. Лавкрафт расширил диапазон чуждости, развертывая сюжеты проникновения на Землю целого ряда крайне необычных рас. Приведём только один пример: «Вообразите гигантского краба с туловищем из густого студенистого вещества, которое составлено, как пирамида, из множества плотных колец или узлов, покрытых множеством щупальцев в том месте, где у человека находится голова. А зелёное студенистое вещество является их кровью или живительным соком. <...> данный тип существ создан из уникальной разновидности материи, не встречающейся на нашем участке космического пространства – и её электроны имеют совершенно иной коэффициент вибрации. Вот почему эти существа не отображаются на обычной фотопленке или фотопластинке, хотя мы можем их видеть невооруженным глазом» [9, с. 336, 342].

Проблематика чудовищно чуждых представителей иных миров развивается в целом ряде научно-фантастических произведений. У С. Лема в романе «Эдем» и П. Уоттса в романе «Ложная слепота» контакт невозможен в силу абсолютно разных способов мировосприятия, вплоть до отсутствия самосознания в человеческом смысле: «Они даже не враждебны, для них такого понятия в принципе не существует. Они просто до такой степени чужды нам, что воспринимают человеческую речь только как форму агрессии. <...> эволюция жизни во Вселенной не приводит ни к чему, кроме безграничного размножения самородной сложности, она – бесконечная машина Тьюринга, набитая саморазмножающимися автоматами, не осознающими собственного бытия. А мы... уроды, целаканты» [18, с. 377]. Лю Цысинь в трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» разворачивает «теорию тёмного леса», согласно которой любой контакт двух планет может привести только к уничтожению обитателей одной из них – то есть инопланетяне могут быть только однозначно опасны [22].

2. В свете подобного опыта научной фантастики изображать другую жизнь, не только физиология, но и сама разумность которой значительно отличаются от человеческой, примечательна тематика восприятия собственно представителей человеческого вида как *чужих*, отличающихся от современных жителей Земли – в обозначенном диапазоне чуждости. Главным основанием для такой чуждости в научно-фантастическом тексте оказываются мутации разного рода: подвергшиеся мутациям земляне и становятся фигурой *иного* вплоть до статуса инопланетян в координатах созданной в произведении реальности.

Начало данной тематике было положено также Г. Уэллсом, описавшим в «Машине времени» радикальное видовое расхождение человечества в будущем на элов и морлоков – в результате постепенного превращения классового разделения в физиологическое и ментальное: «Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. <...> “морлоки”, как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем “элой” – прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился» [20, с. 334]. Морлоки, обитающие под землёй и питающиеся элоями, подаются у Уэллса как разновидность хтонических чудовищ: «Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами!» [20, с. 338].

Здесь можно увидеть связь между идеей об абсолютной чуждости инопланетян, непригодности их к контакту и чудовищности «отпавших» землян. Заложенные Уэллсом векторы наиболее наглядно развиты в романе Н. Стивенсона «Семиевие». Катастрофа космического масштаба – необъяснимый спонтанный распад Луны и последовавший длительный период выпадения её обломков на Землю – губит большую часть человечества, выживают только небольшие группы: спрятавшиеся в подземных убежищах или под водой и укрывшиеся на орбитальной станции. Через тысячи лет разросшееся потомство этих групп радикально различается в расово-видовом отношении, причем для «космических» людей такое разделение оказывается результатом продуманного процесса генетического конструирования. Возникает проблема контакта, поскольку потомки землян, «зарывшихся в землю», воспринимают вернувшихся из космоса как чужаков и потомков предателей, необоснованно заявляющих права на планету, и готовы погибнуть в сражении с пришельцами. Раса, выжившая под водой, ушла дальше всех от базовой модели человеческого организма и скорее напоминает морской народ из набора зловещих рас Лавкрафта: «Когда предводитель вышел на мелководье, форма его тела стала понятнее: округлая и вытянутая, как артиллерийский снаряд. <...> По манере двигаться было видно, что под гладкой «курткой» из жира скрывается мощная мускулатура. <...> Между ног у пингеров ничего не было, только концентрические складки кожи, под

которыми наверняка скрывался вполне обыкновенный набор гениталий. Обнажали их, видимо, только в подходящей ситуации. <...> Складки на лице главного пингера раскрылись, его серые глаза стали как будто больше, а из щелей по бокам вылезли почти человеческие уши, только поменьше и не такие оттопыренные. <...> Женщина-пингер что-то заверещала, привлекая внимание спутников. <...> Пальцы у нее были толстые и соединены тонкими перепонками» [14, с. 736].

В романе А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер» видовое расхождение человечества прогнозируется в двух показательных вариантах. Во-первых, после всеобщего введения процедуры, усиливающей иммунитет и приспособляемость организма, встает проблема ситуации, в которой «человечество под воздействием фукамизации раскалывается на два генотипа» [16, с. 566–567]. Во-вторых, исследователями возможности контакта со сверхцивилизацией выдвигается гипотеза, согласно которой «человечество будет разделено на две неравные части по не известному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую, и свершится это волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой» [16, с. 543].

Таким образом, инаковость той или иной группы представителей человеческого вида в осмыслении научной фантастики обуславливается либо целенаправленной генно-инженерной стратегией, либо мутациями под воздействием окружающей среды. Воздействие окружающей среды может принимать формы как изменяющихся условий жизни на Земле, так и выхода человека в космос. В романе С. Лема «Возвращение со звезд» срабатывают все варианты, причём в положении инопланетянина парадоксально оказывается сохранивший изначальные человеческие качества астронавт. После своего длительного отсутствия он обнаруживает на родной планете землян, изнеженных достижениями технологического прогресса и бесконфликтностью общественного устройства, каковая обеспечивается целенаправленным «исправлением» человеческой природы, подразумевающим удаление склонности к агрессии и риску. Напоминающие элоев новые земляне воспринимают «древнего» астронавта как омерзительную угрозу: «Пусть это до меня не дотрагивается!», его преследует «чувство невероятной отчужденности» [10, с. 9].

Переселение на другие планеты или в космос делает землян инопланетянами и номинально, и физиологически. Потомки эмигрантов на Луну в романе Р. Хайнлайна «Луна – суровая госпожа» не могут жить на Земле, поскольку их организм уже не приспособлен к тяготению в 1g. В цикле «Пространство» Дж. Кори астеры – обитатели пояса астероидов, чьи предки так же переселились с Земли, – из-за постоянного пребывания в невесомости или при незначительном тяготении показательно отличаются от землян внешне: они гораздо выше, более худые и с головами заметно большего размера.

В романе А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век» ученые рефлексируют по этому поводу: «Перси Диксон работал в области космопсихологии и космофизиологии человека. Он был стар, очень много знал и провел над собой и над другими массу сумасшедших экспериментов. Он пришел к заключению, что человек, пробывший в Пространстве в общей сложности больше двадцати лет, отвывает от Земли и перестает считать Землю домом. Оставаясь землянином, он перестает быть человеком Земли» [15, с. 149].

Проблематика рассматриваемой инаковости весьма часто разворачивается в связи с социально-политическими аспектами, заложенными Уэллсом в «Машине времени»: «лунари» (loonies) у Хайнлайна и астеры у Кори в определенной степени отсылают к морлоками: это низшее звено социума, рабочий класс, пытающийся заявить о своих правах: «Мы, лунари, богаты. Три миллиона трудолюбивых, смысленных, опытных людей, достаточно воды, неисчерпаемые ресурсы энергии, колоссальная кубатура. Но... чего у нас нет, так это свободного рынка. Мы должны сбросить Администрацию! <...> Услышьте меня, tovarishchee! Каждый груз, который вы отправляете на Терру, приговаривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл “растение – животное” – замкнутый цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам – деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. Луна должна перейти на самообеспечение!» [21, с. 37–38, 44].

Примечательно слово «tovarishchee» в последней цитате: оно демонстрирует специфический язык, которым изъясняются лунари у Хайнлайна. Такого сорта язык – в целом характерная черта изображения homo alius в научной фантастике: их язык подается как равным образом мутировавший по типу гибридизации. В языке лунатиков у Хайнлайна встречаются русские слова, записанные по фонетическому принципу: «Dosvedanyuh, Gospazha, ee sp'coynoynochi», «P'jal'st». Одна из самых читаемых газет называется «Lunaya Pravda», бога тоже называют по-русски: «for Bog's sake», «Bog help me» [23].

Астеры в цикле «Пространство» изъясняются на сплавe языков, ставшем результатом лингвистических мутаций:

«– Кве са, “Джамбаттиста”, – заговорила Наоми. – ‘Росинант’, вир. Ес гут аллес ла?

Волк ухмыльнулся.

– Бист бьен, сера Нагата суэр. Давайте сюда вашу воительницу и давайте напинаем этим хренам а л'энверс а пукис» [8, с. 418].

В «Семиевии» Стивенсона жители космических городов, потомки спасшихся с Земли, изъясняются на языке, который называется англиш и испытал большое влияние русского языка:

«У каждого шлюза был номер и подпись, обозначающая его функцию (на Кольце имел хождение алфавит, представлявший собой помесь латиницы и кириллицы):

TRANZIT
IMMIGRAЦIA
MILITARI
ЭКСПРЕДИЦIA
СПЕЦ» [14, с. 549]

«После катастрофы, в которой уцелело лишь восемь человек, верить в благого Творца – по крайней мере, в том виде, в каком Его воспринимало большинство людей древности, – стало невозможно. Прошли тысячи лет, прежде чем кто-либо, даже в самых отдаленных человеческих поселениях, посмел предположить, что веру в Бога – в более-менее традиционном смысле – нужно возродить. Его место занял целый набор философских учений, объединенных русским словом “Дух”» [14, с. 576].

Прослеженная нами тенденция научной фантастики изображать «отколовшихся» землян как инопланетян несколько иначе проявляется в романе И. Ефремова «Час быка». Жители планеты Торманс – потомки землян, покинувших родную планету много веков назад, после чего их «корабли попали в область отрицательной гравитации, провалились в нуль-пространство и оттуда, естественно, соскользнули назад, в один миг пролетев сотни парсеков» [6, с. 26]. Несмотря на очень долгий период отдельного существования, тормансиане не отличаются от землян ни внешне, ни физиологически. Различия проявляются в психологии – индивидуальной и массовой – и такая разработка проблематики инопланетности Ефремовым вполне укладывается в его философский замысел, направленный прежде всего на социально-политическую критику и социально-политическое проектирование, давшие в результате совмещение утопии и антиутопии.

А вот язык тормасиан представлен вполне в соответствии с вышеописанной спецификой, он также представляет собой гибрид земных языков: «семантика и альдеология его очень походили на древние языки Земли с удивительной смесью слов Восточной Азии и распространенного в конце ЭРМ английского языка» [6, с. 67].

Проблематичность инаковости землян, так или иначе «отпавших» от привычного человеческого статуса, наиболее многосторонне, на наш взгляд, развернута в сцене объяснения представителя «вылупляющей» из землян расы сверхсуществ с центральными фигурами мира Полудня Горбовским и Комовым в романе Стругацких «Волны гасят ветер».

«У нас еще нет общепринятого самоназвания. Большинство пользуется термином “метагом”, так сказать, “за-человек”... Я предпочитаю называть нас люденами. <...> И есть еще антишутка: «люден» – анаграмма слова “нелюдь”» [16, с. 669–670]. В словах «метагом» и «зачеловек» явно прослеживается переключка с трангуманизмом. «Люден» указывает одновременно на родство и расхождение с изначальным человечеством, а «нелюдь» возвращает к архаической фобии по отношению к иному. Горбовский противопоставляет этому оптимистическое понимание ситуации, отказываясь от восприятия люденов как инаковых: «Человечество всегда

уходило в будущее ростками лучших своих представителей. Мы всегда гордились гениями, а не горевали, что, вот, не принадлежим к их числу... А что Даниил Александрович талдычит нам, что он не человек, а люден, так это все терминология... Все равно вы – люди, более того – земляне, и никуда вам от этого не деться». Комов указывает на излишнее благодушие такого подхода: «Вы, Леонид Андреевич, иногда просто поражаете меня своим легкомыслием. Раскол же! Вы понимаете? Раскол!» [16, с. 673]. Таким образом очерчивается неоднозначность восприятия *homo alius* по отношению к человеку обычному в аспектах «свой-чужой», «союзник-противник», «привычный-необычный» и т.п.

Полученные результаты и выводы

В завершение исследования обозначим специфические черты разработки научной фантастикой проблематики иного в аспекте взаимодействия представлений об инопланетянах и землянах, приводящего к восприятию землян как инопланетян.

1. Представление об инопланетянах в художественной литературе разрабатывается по двум направлениям: либо как о существах весьма близких землянам внешне, физиологически и психологически (тип соседа/жителя другой деревни), контакт с которыми возможен и продуктивен, либо как о максимально инаковых, монструозных созданиях (тип чудовища), контакт с которыми смертельно опасен или невозможен.

2. В качестве фигуры иного, вплоть до статуса инопланетян, в научно-фантастическом тексте рассматриваются и земляне, подвергшиеся мутациям того или иного рода, обусловленным либо целенаправленной генноинженерной стратегией, либо воздействием окружающей среды. Воздействие окружающей среды принимает формы как изменяющихся условий жизни на Земле, так и выхода человека в космос. Радикальность видового расхождения может приводить к восприятию «отпавших» землян как неприемлемых чудовищ.

3. Проблематика инаковости зачастую разворачивается в связи с социально-политическими аспектами: ставшие инопланетянами земляне – низшее звено социума, рабочий класс, пытающийся заявить о своих правах.

4. Характерная черта *homo alius* в научной фантастике – язык, который подается как равным образом мутировавший по типу гибридизации.

5. Восприятие *homo alius* по отношению к человеку обычному в научной фантастике неоднозначно и порождает разнообразные взаимоотношения концептов из семантического поля «свой-чужой».

Список литературы

1. Беляев А. *Homo alius: Человек-амфибия. Последний человек из Атлантиды. Человек, потерявший лицо*. М.: Т8 RUGRAM, 2021.
2. Бержерак С. де. *Иной свет, или Государства и Империи Луны*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.

3. Брэдли Р. Марсианские хроники. М.: Эксмо, 2019.
4. Геродот. История. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972.
5. Годвин Ф. Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершенное Домеником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол // Парнов Е., Самсоненко Л. (сост.) Лунариум. Сборник. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 24–34.
6. Ефремов И. А. Час Быка. М.: Изд-во МПИ, 1988.
7. Иванов К. Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. №2 (123). С. 159–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voobrazhaemyekosmicheskie-puteshestviya-v-ranney-sovetskoynauchnoy-fantastike> (Дата обращения: 28.07.2024).
8. Кори Дж. Пепел Вавилона. СПб.: Издательство «Фантастика Книжный Клуб», 2019.
9. Лавкрафт Г. Ф. Шепчущий из тьмы // Лавкрафт Г. Ф. Хребты Безумия: роман, повесть, рассказы. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 298–386.
10. Лем С. Возращение со звезд. М.: Глаголь, 1991.
11. Лукиан Самосатский. Правдивая история // Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2001. С. 100–127.
12. Романчук Л. А., Дябина В. Н. Социальные и культурологические корни инопланетного мифа. Образы пришельцев в киномифах и литературе // Universum: филология и искусствоведение. 2024. №2 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-kulturologicheskie-korni-inoplanetnogo-mifa-obrazy-prisheltsev-v-kinomifah-i-literature> (Дата обращения: 27.07.2024).
13. Саморукова И. В. Фантастический мир и фантастический сюжет: Проблема инновации в Science fiction // Вторые Лемовские чтения: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием памяти Станислава Лема, 28–30 марта 2013 г. С. 8–17. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Vserossiiskaya-nauchnaya-konferenciya-s-mezhdunarodnym-uchastiem-pamyati-Stanislava-Lema/FANTASTICHESKII-MIR-I-FANTASTICHESKII-SUZHET-PROBLEMA-INNOVACII-V-SCIENCE-FICTION-60797> (Дата обращения 26.07.2024)
14. Стивенсон Н. Семиевие. М.: Эксмо, 2017.
15. Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень, XXII век// Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том 2. Полдень, XXII век. Далекая Радуга (сборник). М.: Текст, 1992. С. 5–308.
16. Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 8: 1979–1984 гг. Днепропетровск: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 531–689.
17. Толстой А. Н. Аэлита // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т.3. М.: Художественная литература, 1982. С. 305–446.
18. Уоттс П. Ложная слепота. М.: АСТ, 2016.

19. Уэллс Г. Война миров // Азимов А., Уэллс Г. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 445–547.
20. Уэллс Г. Машина времени // Уэллс Герберт Дж. Романы. СПб: СЗКЭО, 2021. С. 298–366.
21. Хайнлайн Р. Луна – суровая госпожа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
22. Цысинь Л. Воспоминания о прошлом Земли. Трилогия. М.: Эксмо, 2021.
23. Heinlein R. The Moon is a Harsh Mistress. New York: Tor, 1996.

НАУКА И ЖИЗНЬ А.К. ГОЛЬДЕБАЕВА

Морозова К.И.

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С.П. Королёва,
кафедра русской и зарубежной литературы и связей с
общественностью, старший преподаватель

Статья посвящена изучению места науки в жизни и художественном мире А.К. Гольдебаева. Писатели рубежа веков неоднократно обращались к научной тематике, сосредоточивая внимание на образе учёного. Гольдебаев же не всегда ставил человека науки в центр своих произведений. Например, в повести «Подлое состояние» не совсем понятно, кто из персонажей главный, а кто второстепенный. А в ненаписанном рассказе «Без летоисчисления» главным персонажем должен был стать еврей, попавший в будущее. Цель настоящей статьи – выяснить, какую роль наука и изобретательство выполняют в повестях и рассказах Гольдебаева. Для этого автором исследования были проанализированы произведения, в системе персонажей которых были учёные или изобретатели. Так, в качестве основных источников эмпирического материала выступили рассказы «Крант», «Без летоисчисления» (точнее его фабула, описанная в мемуарах писателя), повести «Подлое состояние» и «Летний отдых». Основу исследовательской методологии составили такие методы, как структурный, биографический, сравнительно-сопоставительный, синхронический и диахронический. Новизна и актуальность настоящей статьи обусловлены тем, что сегодня творчество и биография Гольдебаева, в принципе, мало изучены. Поэтому функциональное значение науки в художественных текстах Гольдебаева ещё никем не изучалось. Автор приходит к выводу, что наука в художественном мире Гольдебаева может обладать созидательной и разрушительной силой, а также выступает критерием нравственности человека. По-настоящему талантливые и честные люди скромны и часто несчастны.

Ключевые слова: А.К. Гольдебаев (Семёнов), позитивизм, наука, прогресс, провинциальная литература.

Д.А. Гранин в статье «Радость познания», опубликованной в журнале «Вопросы литературы», выдвигает мысль о том, что процесс и результат научных исследований должны стать одними из центральных тем отечественной литературы. «Достижения последних десятилетий значительно